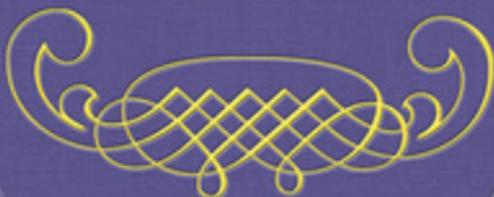

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

**«Власть земли» и «Власть
тьмы» (соч. Гл. Успенского и
гр. Л.Н. Толстого)**

«Власть земли» (1882) – цикл очерков Г.И. Успенского.
«Власть тьмы» (1886) – пьеса Л.Н. Толстого.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0011
III.....	.0017

**Николай Васильевич
Успенский**

**«Власть земли» и «Власть
тьмы» (соч. Гл. Успенского и
гр. Л.Н. Толстого)**

— Станция Валдай! Поезд стоит пять минут, — возвестил кондуктор, зажигая свечи в вагоне 3-го класса.

— Занято? — спросил меня господин в меховой занесенной снегом шубе.

— Нет.

— Вы куда?

— В Москву.

— Значит, мы с вами попутчики... Зазвенел колокольчик, и поезд тронулся...

— Глеб! Это ты?

Мы обнялись с кузеном и горячо расцеловались...

— Будем говорить потише... Здесь сидит граф...

— Знаю... Я нарочно сел к нему спиной... Ты знаешь, мои «Воспоминания»...

— Э, вздор какой! Чем ты откровеннее будешь писать, тем лучше. Я сейчас пойду к автору «Власти тьмы»...

— Что-то будет?.. — подумал я, провожая взглядом автора «Власти земли»...

Не прошло и двух минут, как я услышал

следующий диалог двух знаменитых писателей:

– Признаюсь, Успенский, мне ваша «Власть земли» не понравилась...

– Точно так же, как и мне ваша «Власть тьмы»... Конечно, *de gustibus non est...*[1]. Но в свое оправдание я должен сказать, что в памяти читателя мне хотелось восстановить бессмертное изречение Микулы Селяниновича: «Меня любит мать сыра земля»...

– Да! – подхватил граф с усмешкой, – вы дальше прибавляете, что двухсотлетняя татарщина и трехсотлетнее крепостничество могли быть перенесены народом только благодаря власти любящей земли...

– Я это писал...

– Но ведь это дикий абсурд: по вашему выходит, что благодаря власти земли русский народ в продолжение пятисот лет был гнусным рабом...

– Совсем нет! В конце моего рассказа я прямо говорю: «Земля – главное не только по отношению к народному брюху, но и по отношению к народному духу... Земля нужна народу не только для того, чтобы быть сытым,

но и сохранить свое мирозерцание»...

– Которого нет!.. Я вам скажу, Успенский, все мирозерцание мужика заключается в том, как бы забраться в барский лес или конюшню, напиться пьяным и ни за что ни про что исколотить свою жену. Вы же сами пишете: «Лесная мораль мужика заключается в том, чтобы колотить невинную жену и себя в то же время считать невинным». В другом месте той же «Власти земли» вы удостоверяете, что «мужик вносит в людскую жизнь слишком много тенденций дремучего леса»... Я ведь не лгу, не правда ли?

– Правда... я писал и это...

– Далее вы проповедуете, что мужик вносит в людскую жизнь много лесного зверства и волчьей жадности... Писали вы это в своей «Власти земли»?

– Писал...

– Так... Не согласитесь ли теперь со мною, что все эти прискорбные явления представляют собой неизбежный результат «власти тьмы», то есть невежества?..

– Не отрицаю...

– Я говорю к тому, что мужика надо

прежде всего просветить...

– А накормить?

– У него есть еда... поверьте!

– Но какая? Если вам (как вегетарианцу) придет охота есть сено, то из этого вовсе не следует, что им надо потчевать мужиков, как лошадей...

– Ваши билеты, господа! – раздался зычный голос кондуктора. Контроль прошел. Разговор двух знаменитых писателей возобновился.

– Нет, – весело улыбаясь, продолжал граф, – в вашей «Власти земли» есть просто неподражаемые вещи...

– А именно?

– Коснувшись прелестей сельской жизни (в сравнении со столичной), вы естественным образом изъявляете желание, чтобы и мужик, никуда не отлучаясь, наслаждался прелестями... Но странное дело! – в то же самое время вы говорите, что в недрах сельской природы «идет поедание друг друга... кто-то кого-то ест... только писк идет...»

– Во-первых, у меня сказано не «в недрах», а «в лесу»...

- Да не все ли это равно?
- Во-вторых, я не говорил «писк идет»...
- А как же у вас сказано?
- Просто «едят друг друга» и больше ничего...

– Втихомолку, значит? Ну, ладно! Далее вы приводите неподражаемый рассказ Ивана: «Как мне в загривок-то наклали на железной дороге, где я служил, я и говорю: слава тебе, Царица Небесная! Начальник станции дал хорошего леца, да начальник эксплуатации дал в загривок, тут только я понял прелесть деревенской жизни»... Итак, выходит, по вашим словам: прежде чем впустить мужика в деревенский эдем, надо предварительно дать ему хорошего леца и накласть в загривок... Тогда ему, как вы говорите, «все будет мило: и пашня, и соха, и борона, и дровни, и телушка, и завалившийся сарай», и тут только, замечаете вы устами Ивана, мужик примется как следует за хозяйство... Наконец, проводя мысль, что у «меньшей братии» мало земли, вы утверждаете (буквально передаю ваши слова): «Разживающийся мужик бесцеремонно жесток»...

– Не будем спорить об этом... Я с вами, граф, согласен, что каждому из нас нужно только три аршина земли... Но позвольте вас спросить: что вы хотели сказать своей «Властью тьмы»?

– Об этом мы с вами потолкуем после... А теперь пойдемте чайку попьем...

Поезд остановился у вокзала.

— Во всем вокзале, – входя в вагон, сказал граф, – искал всё редьки и не нашел... Вот что значит цивилизация!.. Вы, автор «Власти земли», здесь?..

– Здесь... впрочем, я отлучался с кузеном в вокзал...

– Да разве ваш кузен здесь? Покажите мне его, пожалуйста...

– Он боится своих «Воспоминаний»...

– Вздор какой! Я их читал с удовольствием... Жалею, что они на некоторое время прекратились...

– Николай! Иди... к графу... – шепнул мне Глеб. – Боюсь!..

– Чего?

– «Власти тьмы»...

Однако, захватив под мышку укутанную в шарфе гармонию, я приблизился к графу, причем услышал нечто вроде предостережения со стороны кузена: «Ты, вероятно, слышал, как граф иронизировал над моей „Властью земли?“»..

– Вы?.. – радостно улыбаясь и пожимая мне

руку, сказал Лев Николаевич.

– Я, граф... ваш старый знакомый...

– Что это вы делаете? Я про себя не говорю... но вот некоторые обижаются на вас за Некрасова... хотя, положим, человек-то известный...

– Да ведь что же, Лев Николаевич? Я писал, что он у Тургенева отхватил восемнадцать тысяч франков, а «Новое время» говорит: «Нет! Не восемнадцать тысяч, а всего только тысячу рублей, да и то у другого лица», о нем же не леть есть глаголати...

– Вы, я слышал, на гармонии играете?

– Грешен.

– У вас дочь украли?

– Так точно, ваше сиятельство.

– Кто же?

– «Власть земли» и «власть тьмы»... Но это дело, как говорится, домашнее...

– Нет! Вы у меня в Хамовниках все расскажете... Собратья по перу! Вы не откажетесь сегодня у меня ночевать?

– Глеб! Как ты?

– Согласен...

– И я тоже... У вас, граф, Матрена, баба, уви-

дав своего возлюбленного сыночка, который обнимая молодую хозяйку, говорит: «А я что видела – не видела, что слышала – не слышала... С бабочкой поиграл – что ж? И теленок, ведашь, и тот играет... Отчего ж не поиграть? Дело молодое... От овса, ведашь, кони не рыщут, от добра – добра не ищут»...

– Позвольте...

– Нет, далее в вашей «Власти тьмы» сказано, что эта самая баба Матрена принесла сонных порошков молодой хозяйке, которую обнимал ее сын... И что же это за порошки?.. Яд, чтобы отравить мужа Анисьи (хозяйки), старика Петра...

– Далее у меня говорит Матрена: «Я семьдесят семь уверток знаю...».

– Но вы представьте, граф, картину, вами нарисованную: даже распутная Анисья пришла в ужас при виде узелка, в котором находился яд... «О-о-ох! – простонала она. – Как бы греха не было!..» Где вы взяли это такое чудовище, такую ведьму мать (хотя бы из деревенщины), которая является на сцену перед публикой с ядом для того, чтобы ее возлюбленный сынок жил с незаконной женой и от

обильной трапезы кормил ее падающими крупицами...

– Между нашим двухсотмиллионным населением, согласитесь, найдутся такие ведьмы, – прожевывая какую-то вегетарианскую снедь, произнес граф.

– Но ведь это исчадие ада, а не типы...

– Пойдем выпьем, – толкнул меня кузен.

– У вас что же это, наследственное?

– Так точно, ваше сиятельство... отцы и деды...

– Понимаю... дарвинизм...

– Далее, граф, у вас в вашей «Власти тьмы» есть такие сокровища. Никитка, ваш главный герой, произносит такой монолог: «Боязно, говорят, неправде божиться. Все одно – глупость. Ничего! Одна речь!.. Очень просто...».

– Есть такие...

– Не спорю, только этикие гады, по-моему, не должны быть вносимы в сферу искусства и быть проводниками каких-либо идей... Каков ваш герой Никитка! Порадуйтесь, милейший граф: «Люблю я этих баб, как сахар, а нагрестишь с ними – беда!» Далее хороша сценка: мать Матрена уговаривает сына Никитку за-

копать живого ребенка в погребе: «Накось скребочку-то... да слезь, да и справь там... а я посвечу... Ямку выкопай...» Никита (берет ребенка): «Живой! Матушка родимая! Шевелится... живой! Матушка родимая! Шевелится... живой!..» Но Никитка не струсил, как гусар Пушкина перед ведьмой на Лысой горе. Он ребеночка упрятал по настоянию своей матушки... Кончив дело, он известил Матрену: «Пищал как! Как захрустит подомной... И жив все, право, жив... да все пицтит, все пицтит... И как захрустят подо мной косточки... кр... кр... кр-р-р...» Мать: «Поди, родной, выпей водочки...» (Сама лезет в погреб). Никитка: «Матушка, а матушка!» Матрена (высовывается из погреба): «Чего, сынок?..» – «Не зарывай... живой он... Разве не слышишь?..» Матрена: «Да где же пиццать-то? Ведь ты его в блин расплющил... всю головку раздребезжил...».

– Николай! – обратился ко мне кузен. – Ты в своих «Воспоминаниях» говорил, что «Анна Каренина» подложила свою белоснежную шейку под колеса вагона...

– Нет! – вступился граф. – Она у меня, отбросив в сторону мешочек, упала на руки, ее

что-то зацепило за спину. Ну, а потом я говорю, что светильник, при помощи которого она читала книгу неправды, лжи, коварства, измены, – вдруг вспыхнул и погас... Ночевать ко мне, господа! – заключил граф, когда наш поезд приблизился к Московскому вокзалу...

— Иван! Здесь? – спросил граф.
– Пожалуйста!

– Лейкина видели в Петербурге?

– Это вы Ивану говорите?

– Нет, вам, Николай Васильевич...

– Не только Лейкина, но даже и Суворина...

– А Щедрина?

– Вишь, чего захотели...

«Власть земли» и «Власть тьмы» уселись в широких покрытых ковром санях, а «Воспоминания» приладились на запятках.

– Да вы садитесь с кучером-то...

– Пожалуй...

– Я знаю, вы любите лошадей... А гармония ваша не пропала?..

– Цела!..

Я уселся с кучером и, сказав: «Эй! Милые!», заиграл «Выду ль я на реченьку». Кучер подхватил: «Унеси ты мое горе, быстра реченька, с собой...»

Городовой пронесся мимо, по каким-то соображениям не считая мою игру и забористое пение кучера за «нарушение общественной

тишины и спокойствия».

– А ведь прелестно играет ваш брат, – обратился автор «Власти тьмы» к автору «Власти земли».

– Мне больше нравится «Волга-реченька», – промолвил мой кузен, поднимая воротник своей шубы.

– Отличная вещь, я с вами согласен... Там есть одно место, которое, можно сказать, составляет неоцененный перл этой песни: «Под Самарою девчонки...».

– Вот, вот!..

– Господа! – сказал я. – Извините за откровенность, от вас потянуло просто Никиткой, главным героем «Власти тьмы», который обращается к публике с такими словами: «Люблю я этих баб, как сахар...».

– Нет, вот что скажите мне, Николай Васильевич, – прервал меня граф, – зачем вы в своих «Воспоминаниях» искажаете мои слова? Вы пишете, что Анна Каренина «экспонировала своей белоснежной шейкой на рельсах...». Это неправда. У меня записано: «Она не спускала глаз с колес подходящего второго вагона. И ровно в ту минуту как середина

между колесами поравнялась с ней, она откинула красный мешочек и, вжав в плечи голову, упала под вагон на руки... и легким движением, как бы готовясь тотчас же встать, опустилась на колена...»

– На колени, граф, надо сказать, – заметил я.

– Почему же?

– Когда-то были колена израильские, ничего общего не имевшие с коленями красавицы Карениной...

– Может быть... Далее я говорю: «И в то же мгновение она ужаснулась тому, что она делала... „Где я? Что я делаю? Зачем?“ Она хотела подняться, откинуться...».

– Боже праведный! – воскликнули мы с кузеном в один голос. – Вы и тут не пощадили ее?..

– Нельзя было, господа!.. Того требовала «Власть тьмы»... «Что-то огромное, неумолимое толкнуло ее в голову...»

– За то, что ваша героиня много любила?.. – спросил я.

– За это-то ей и не отпустил ось, – подхватил мой кузен.

– И потащило за спину, – продолжал граф. – «„Господи! Прости мне все!“ – проговорила она, чувствуя невозможность борьбы».

– И у вас, – тихо сказал я, – в это время перо не выпало из рук?

– Молчи! – дернув меня за рукав, сказал автор «Власти земли». – Продолжайте, Лев Николаевич...

– Я заканчиваю так: «И свеча, при которой Анна читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала...».

– Должно быть, шейные и спинные позвонки затрещали!

– Ну да! «Стала меркнуть и навсегда потухла»... Зачем же вы говорите в своих «Воспоминаниях», что я с ловкостью мясника убил Каренину...

– Позвольте мне слезть, граф, – сказал я.

– Это зачем?

– Мы подъехали к Воздвиженке... Я тут пешком пойду через Арбат на Смоленский рынок в ночлежный дом...

– Вот фантазия! Да вы знаете ли, что в ноч-

лежный дом пускают только от шести часов вечера и до десяти, а теперь скоро одиннадцать. Я все порядки ночлежного дома знаю, потому что несколько раз бывал там...

– Не ваши ли там изречения красуются на стенах?

– А именно какие?..

– В чайной на стене изображено: «Утешайтесь надеждой, в скорбях будьте тверды, в молитве постоянны».

– Да вы, я вижу, хорошо знакомы с ночлежным домом. Ну, а в первом этаже спален какие изречения?

– «Бог есть любовь. Бог мой, скала моя, уповаю на него»...

– Bravo! А во втором?

– «Научитесь делать добро. Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни»...

– Удивительно! Нет, Николай Васильевич, я вас сегодня не отпущу... Завтра вы вольный казак... а нынешний вечер с вашим братцем посвятите мне... поговорим, потолкуем...

– А ночевать?

– Да у меня же... Правда, кабинет мой не особенно просторен... ну, да по пословице: в

тесноте, да не в обиде...

Мы благополучно прибыли в Хамовники.

Примечания

о вкусах не... (лат.)

[^^^]